

РОЛЬ ПЕЙЗАЖА В ЮЖНЫХ ПОЭМАХ ПУШКИНА

Траян Нэдэбан

(Traian Nădăban, Universitatea din Timișoara, Facultatea de Litere și Filosofie
România, 1900 Timișoara, Bd. Vasile Pârvan nr. 4.)

Роль пейзажа в поэзии А.С. Пушкина оценивается критикой разноречиво как на родине русского писателя, так и за рубежом.

Чаще всего в монографиях и комментариях полагают, что природа, равнодушная и ясная, сохраняет тайну и гармонию перед человеком, раздираемым сознанием и страстями.

Пушкин никак не является пантеистом, хотя он любит в природе красоту покоя, ликующий день, яркий свет солнца, зимнее утро и т.д.

В ранней лирике поэт рисует природу путем перечисления ее отдельных элементов и признаков, которые воспринимаются с максимальной "точностью", как в стихотворении "*Осень*":

"Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает,
Журча еще бежит за мельницей ручей,
Но пруд уже застыл..." (4, т. 3, с. 246)

Картина лишена сильных элементов, великих метафор или сравнений. Простота, граничащая с прозаичностью, экспрессивное равновесие всех слов и выражений, обнаженная банальность, как отмечает румынский исследователь Ливия Которча, "более подходит нежному и ясному восприятию тихой гармонии и красоты мира. В них заключается общезначимость и символизм красоты природы, "сяющей смиренно" (см. 1).

Казалось бы все это верно, но нельзя эту оценку распространять на всю раннюю поэзию Пушкина.

Яркая страница в эволюции писательского дарования поэта

– это период создания южных романтических поэм, особенно "Бахчисарайского фонтана", "Кавказского пленника" и "Цыган".

Сама необычайная экзотическая обстановка мест южной ссылки питала поэтическое воображение романтического писателя. Вместо петербургских улиц перед ним были дикие и суровые горы Кавказа, бесконечные морские просторы Крымского побережья, бессарабские степи и, главное, удивительные фигуры горцев и "детей природы" – молдавских цыган.

В темпераментном искателе новых впечатлений и, бежавшем от столь прискучившего ему столичного общества, усилилась романтическая настроенность. Именно с этой особенностью не считаются многие исследователи раннего творчества Пушкина. Более того, в ряде работ и поныне продолжается пагубная для литературоведения тенденция: авторы настойчиво ищут в пейзажных зарисовках пушкинских поэм точного, даже "географического" воспроизведения "кавказских", "грузинских" и "бессарабских" мест. В зависимости от верности и "аутентичности" этого изображения и оценивают самобытность и силу таланта поэта.

Нередко сказывается упрощенная вульгарно-социологическая трактовка, содержащая деление на этапы процесса становления реализма Пушкина, "изживания" им романтизма. Уже по традиции цитируют знаменитую пейзажную картину из поэмы "*Цыганы*", в которой изображается будничная нищенская жизнь табора. Почти идентичный подход встречается при анализе других поэм. К примеру, анализируя роль и искусство пейзажа в ранних поэмах Пушкина, С. Бонди палагает, что поэт прибегает к "фантазии", но "трезвая, живая наблюдательность /.../ вступает у Пушкина в борьбу с задачами избранного им романтического направления" и что в "*Кавказском пленнике*" свойственная поэту реалистическая тенденция, вступившая в борьбу с романтическим направлением", привела к "открытию для русской литературы реалистического направления" (2, с. 17).

Другой пушкиновед, Г. Гуковский, акцентирует тот факт, что "Пушкин занят проблемой романтизма местного колорита, но изобразить крымский пейзаж более объективно в 1821 году он еще не смог". В продолжении своего толкования критик считает, что

в "*Кавказском пленнике*" субъективная система Байрона уже взрывалась изнутри объективным изображением этнографического материала, описанием жизни кавказских горцев и *объективным пейзажем* (Курсив наш – Т.Н.)" (3, с. 283–284).

К сожалению, анализ роли пейзажа в южных поэмах русского поэта под новым углом зрения мало заботит интерпретаторов. Бесспорно, можно согласиться с авторами, считавшими, что в южных поэмах Пушкина пейзажные зарисовки немногочисленны, бегло очерчены и предельно лаконичны. Но дело не в частотности появления картин природы, а в их роли, функции и экспрессивности.

Природа у Пушкина – особенно в южных поэмах – не является лишь декоративным или эмоциональным фоном, а выполняет различные художественные функции в образном раскрытии идейного содержания произведений, внутреннего мира исключительных романтических фигур Пленника, Алеко, Земфиры и др., даже порывов и мыслей самого поэта.

Такие функции можно наблюдать в "*Кавказском пленнике*", несмотря на художественную незрелость и чрезмерный мелодрамализм поэмы. Усталый от городской жизни молодой герой отправляется на Кавказ, в край свободы. Он поставлен автором в необычную, экзотическую обстановку. Из всей жизни персонажа писатель берет только один, но весьма романтический, исключительный и драматический эпизод, окутывая все остальное атмосферой таинственности, сознательной недосказанности и намеков. Однако, на Кавказе героя ожидает несчастье, он становится пленником "свободных людей". Пленник не в состоянии физически освободиться и освобождается лишь внутренне, любовью к полудикой черкешенке.

Все линии этой простой фабулы ведут к личной драме пленника, которая коренится во внутренних переживаниях новой разочарованности, скуки и одоночества. Переживания героя усиливаются при мысли, что он стал рабом горестной и трудной любви. Но особенно охватывает его душу тоска по настоящей свободе. Картины пейзажа как бы теряют вещественное содержание. Природа скорее всего приобретает метафорический и даже символический смысл. Создается, на наш взгляд, странная романтическая анти-

теза: непосредственно окружающая природа противопоставляется живописным отдаленным горам. Вместе с тем серия микропейзажей не просто готовит и возбуждает эмоциональное восприятие, а превращается в тонкий художественный прием раскрытия психологического мира "протагониста" произведения. Будто сейсмографом зарисовки природы прослеживают целую гамму переживаний не только пленника, но и самого автора, так как во многих отношениях поэма является средством самовыражения самых сокровенных дум и стремлений Пушкина.

Наконец, природа у поэта не просто субъективистская, как полагают в критике, но она обладает, несмотря на известную лаконичность выражения, особой силой суггестии и экспрессивности. Например, в таком ключе мы можем воспринимать различные пейзажные зарисовки унылой природы, когда "меркнет солнце за горами" и "затмилась перед ним природа": "Он видит "пустынные равнины" и "однообразные вершины"; меж них "уединенный путь / В дали теряется /.../ и пленника младого грудь / Тяжелой взволновалась думой..."

По мере усиления в русском пленнике ностальгии и тоски по свободе, далекие горные хребты воспринимаются им не как стены темницы или как что-то недоступное, они вселяют в него надежду и "жажду бури":

"В час ранней, утренней прохлады,
Вперял он любопытный взор
На отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор.
Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков,
И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый,
Белел на небе голубом" (4, т. 4, с. 87-88).

Почти те же функции в художественной ткани произведения выполняет природа в поэме "Цыганы". Здесь сюжет и главные лица являются вариацией "Кавказского пленника". Однако психологический образ романтического исключительного героя развит значительно больше и гораздо последовательнее. Алеко драматичнее переживает столкновение идеала с действительностью. К тому же, поэт снимает с него ореол величия и совбодолюбия. В конце концов Алеко поступает как банальный преступник, за что его "дети природы" выгоняют из табора.

Скорее всего поэзия первобытного экзотичного племени заключается в жизненной мудрости старого цыгана, который понимает относительность человеческих чувств и действий и проявляет более гуманное отношение к окружающим:

"Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.

.....
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!" (4, т. 4, с. 161-162)

Картины природы наполняются этическим и философским содержанием.

В ключевых сценах поэмы создается своеобразный психологический параллелизм мира природы и человека, как в следующем фрагменте:

"Он (Алеко), с криком пробудясь во тьме,
Ревниво руку простирает...
Темно; луна зашла в туман,
Чуть брезжит звезд неверный свет,
Чуть по росе приметный след
Ведет за дальние курганы:
Нетерпеливо он идет,
Куда зловещий след идет" (4, т. 4, с.164-165).

В своих ранних поэмах Пушкин был и остался романтиком несмотря на некоторые элементы поэтики реализма. Пейзажные зарисовки удачно входят в художественную ткань главных южных поэм. Природа не является лишь декоративным или эмоциональным фоном или самоцелью. Она рельефнее раскрывает идейный мир персонаже, доминантные черты "протагонистов" с исключительной романтической психологической структурой. Картины природы, особенно в "*Кавказском пленнике*", динамичны и мобильны, они удачно передают целую гамму переживаний героев и нередко становится средством экспрессивного выражения авторских дум и настроений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ливия Которча, Сорина Бэлэнеску. Лекции по истории русской литературы XIX века. Яссы, 1976.
2. Бонди С. О Пушкине. Статьи и исследования. М., 1978.
3. Гуковский Г. Пушкин и русские романтики. М., 1965.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Л., 1977-1979.